
АЛЕКСАНДР ПИК
ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Александр Пик
Хороший человек

https://litres.ru/74755829
SelfPub; 2026

Аннотация

У петербургского адвоката Кирилла Власова безупречная репутация. Он умеет защищать клиентов, соблюдать закон и не задавать лишних вопросов. Но однажды приходит анонимное письмо со снимком из прошлого и намеком на чужую несправедливую вину.

Вскоре погибает человек, связанный с давним делом о пожаре. Затем появляются новые жертвы, тревожные совпадения и улики, которые все настойчивее указывают на самого Кирилла. Следствие проверяет его причастность, бывшие доверители требуют молчания, а журналистка, чья семья пострадала от старого приговора, не намерена останавливаться.

Чтобы разобраться в происходящем, Власову придется заново посмотреть на дело, которое он предпочел оставить в прошлом. Где заканчивается профессиональный долг и начинается личная ответственность? И может ли человек, действовавший по закону, считать себя хорошим?

«Хороший человек» — психологический и юридический триллер о цене молчания, границах оправдания и правде, которая меняет не только судьбу обвиняемого.

Содержание

ЧАСТЬ I. ЧУЖАЯ ВИНА 4
Глава 1. Письмо без обратного адреса 4
Глава 2. Дело о пожаре 50
Глава 3. Первая смерть 94
Гла 135
Конец ознакомительного фрагмента. 136

Хороший человек

ЧАСТЬ I. ЧУЖАЯ ВИНА

Глава 1. Письмо без обратного адреса

Кирилл Власов не любил получать письма.

Не электронные — к ним он привык, хотя по утрам порой казалось, будто ночью кто-то успел раздать обещания от его имени. Не судебные извещения — у тех были понятная функция, дата отправления и ответственный адресат. Он не любил настоящие письма, вложенные в бумажные конверты, потому что они почти всегда оказывались либо ненужными, либо слишком личными.

В тот вторник письмо лежало на его столе поверх свежей папки с документами.

Обычный белый конверт. Без марки. Без обратного адреса. Его имя напечатали на узкой полоске бумаги и приклеили неровно, с легким наклоном вправо:

«Кириллу Сергеевичу Власову. Лично».

Кирилл остановился в дверях кабинета, не снимая пальто.

— Кто принес? — спросил он.

Елена Петровна, его помощница, сидела у окна и распечатывала доверенность. Шумел старый принтер, который она отказывалась менять, потому что, по ее словам, «новые все ломаются на третьей неделе».

— Курьер, — сказала она, не оборачиваясь. — С утра. Никаких накладных, ничего. Просто оставил.

— Какой курьер?

— Мужчина. В серой куртке. Я не спрашивала фамилию.

Кирилл посмотрел на конверт.

— Зря.

Елена Петровна наконец повернулась.

— Если бы на каждом входящем конверте я допрашивала доставщика, вы бы платили мне за работу следователя. Что

там?

— Еще не знаю.

Он снял пальто, аккуратно повесил его на деревянную вешалку у двери и прошел к столу. За окном на Литейном проспекте осенний дождь смывал с тротуара последние грязно-желтые листья. Движение застыло у светофора. В витрине напротив отражался красный крест аптеки.

На столе, рядом с письмом, стояла чашка с остывшим кофе. На блюдце Елена Петровна оставила два печенья. В адвокатском кабинете давно существовал этот незаметный порядок: кофе появлялся раньше Кирилла, а все, что могло испортить его день, — позже.

Сегодня письмо появилось раньше, чем он успел подготовиться к неприятностям.

Кирилл взял конверт за угол. Он был плотнее обычного, внутри прощупывалось что-то жесткое. На клапане не было следов клея: его закрыли тонкой полоской прозрачного скотча.

— Ты его не открывала?

— Нет, конечно.

— И никто не спрашивал, когда я буду?

— Нет. Кирилл Сергеевич, вы меня пугаете.

Он положил конверт обратно.

— Это профессиональная привычка. Не обращай внимания.

В десять двадцать его ждал клиент, трижды за последние три месяца менявший показания и теперь рассчитывавший, что Кирилл убедит суд в их последовательности. В половине двенадцатого — телефонный разговор с бухгалтером. После обеда — подготовка жалобы по делу, где вопрос о допустимости одного протокола затмевал все остальное. День был расписан настолько плотно, что чужая тайна попросту не помещалась в нем.

Он мог оставить письмо на вечер.

Вместо этого выдвинул ящик, достал канцелярский нож и медленно разрезал верхнюю кромку.

Внутри оказались три листа и фотография.

Он узнал место на фотографии прежде, чем успел рассмотреть детали.

Серое бетонное здание. Низкая пристройка справа. Над входом — выцветшая табличка с номером секции. На заднем плане металлическая лестница, которая поднималась к техническому этажу. Снимок был сделан днем, судя по коротким теням, и, вероятно, с парковки.

В верхнем правом углу стояла дата: 16.09.2018.

Кирилл поднес фотографию к окну.

После пожара он избегал даже разговоров об этом складе. Во всяком случае, старался избегать. Но изображения иногда хранились в памяти не как события, а как отдельные, не имеющие срока давности предметы: лестница, треснувший угол таблички, белая линия на асфальте. Все эти детали сохранились на снимке.

На обороте темно-синими чернилами написали:

«За три недели до пожара».

Он отложил снимок и взял первый лист. Копия служеб-

ной записки. Шапка предприятия, регистрационный номер, дата, должность адресата. Мелкий текст с пометками внизу, словно его снимали с листа, который несколько раз складывали.

Некоторые строки были обрезаны.

«...предупреждаю о невозможности эксплуатации...»

«...при отключенном контуре оповещения...»

«...считаю необходимым приостановить...»

В правом нижнем углу стояла подпись. Кирилл задержал на ней взгляд.

Подпись он тоже узнал.

Не потому, что когда-то изучал ее как доказательство. Не потому, что она принадлежала участнику известного дела. Он видел ее раньше на другом листе бумаги, без фирменной шапки, вместе с короткой запиской, написанной от руки.

Тот лист лежал у него дома.

По крайней мере, он рассчитывал найти его там.

Кирилл открыл второй документ. Это была копия протокола допроса с черными прямоугольниками поверх нескольких абзацев. Остались видны дата, название процессуального действия, фамилия допрашиваемого — Зорин Виктор Петрович — и один вопрос.

«Находились ли у Вас ключи от технического помещения?»

Под ответом: «Да, находились».

Он помнил эту строчку. Не дословно, нет. Память адвоката устроена иначе: в ней удерживаются не слова, а места, в которых одна формулировка становится опаснее другой. «Находились» означало возможность. «Пользовались» — действие. Между ними могло поместиться несколько лет чужой жизни.

Третий лист был отпечатан на простой бумаге. Всего две строки.

«Вы знаете, кого осудили вместо него.

Сколько еще людей должно умереть, чтобы вы это сказали?»

Кирилл перечитал текст.

Первый раз — как человек, которому угрожают.

Второй — как адвокат, пытающийся понять предмет угрозы.

На третий он увидел главное: не было ни просьбы, ни суммы, ни времени встречи. Никакого способа связаться с автором.

Это не было предложением.

Это было обвинение без возможности ответить отправителю.

— Кирилл Сергеевич? — позвала Елена Петровна.

Он вздрогнул и, недовольный собой, аккуратно сложил листы обратно.

— Что?

— Ваш человек приехал. Ждет в переговорной.

— Скажи, что я задержусь на пять минут.

Она кивнула, но не ушла.

— Все нормально?

Вопрос был простым, почти домашним. За двенадцать лет работы Елена Петровна научилась отличать обычное раздражение Кирилла от чего-то другого. Раздражение он не прятал. Если документ был составлен небрежно, а клиент пытался изменить факты задним числом, помощница слышала его мнение из-за закрытой двери. Сейчас же он говорил тихо.

— Да, — ответил он. — Просто старая история.

— Проблемная?

— Законченная.

Елена Петровна посмотрела на письмо, потом на него.

— Бывают такие?

Он не нашел ответа.

Когда дверь за ней закрылась, Кирилл спрятал конверт в ящик стола, запер его и подержал пальцы на ключе. Металл был холодным. Его раздражало, что руки слушаются не сразу.

Он встал перед зеркалом в узкой нише между шкафом и дверью. Темное пальто сменилось серым пиджаком; белая рубашка была выглажена, галстук не требовался. Лицо человека, которому доверяют сложные дела: сдержанное, усталое, не склонное к случайным решениям.

Так он выглядел уже много лет.

В этом и заключалась проблема.

* * *

В 2018 году Кирилл еще не умел говорить «это не ко мне» без внутренней неловкости.

Ему было тридцать пять. Он недавно покинул адвокатское образование, где делил кабинет с двумя коллегами, и учредил собственный адвокатский кабинет. Денег на ремонт почти не осталось. Елена Петровна согласилась временно получать половину прежней зарплаты при условии, что однажды он вернет разницу. Кирилл вернул ее, но много позже.

Случай с «Северным терминалом» возник сначала как разговор.

Его знакомый, техник по имени Алексей Кондратьев, позвонил в середине сентября и попросил встретиться. Они знали друг друга с университета, хотя учились на разных факультетах: играли в одной любительской футбольной команде, потом годами обменивались поздравлениями и обещаниями встретиться.

Кондратьев пришел с бумагами.

Не с полным архивом предприятия, не с сенсационным разоблачением. С одной копией письма и просьбой прочитать его «человеческими глазами». Он опасался, что на работе его заставят подписать акт, в котором неисправная система будет названа исправной.

— Просто скажи, что мне делать, — попросил он.

Кирилл сказал: не подписывать ложное, сохранить переписку, обратиться к руководителю официально. Предложил показать бумаги специалисту по трудовым спорам. Кондратьев усмехнулся. Совет был правильным, но не отвечал на вопрос, чем ему кормить семью, если после отказа подписать акт его уволят.

Перед уходом он оставил копию.

— На всякий случай, — сказал.

Спустя три недели склад загорелся.

Погибли двое рабочих ночной смены. В новостях называли короткое замыкание, нарушение правил хранения и поджог. Версии менялись так быстро, что для человека со стороны это выглядело обычной неразберихой первых дней.

Еще через месяц Кириллу позвонили от имени владельца комплекса Павла Корнеева.

К тому времени Кондратьев уволился, перестал отвечать на сообщения и уехал из Петербурга. Кирилл так и не предпринял серьезной попытки его разыскать.

Эту часть прошлого он в течение восьми лет называл благоразумием.

Остальное было сложнее.

Когда у человека появляется доверитель, возникают обязательства, которыми нельзя распоряжаться ради удобства. Кирилл это знал тогда и знал сейчас. Адвокат не должен превращаться в поставщика сведений против человека, обратившегося к нему за помощью. Но оставленный Кондра-

тьевым документ появился раньше первого разговора с Корнеевым. Он лежал в другой папке, существовал до соглашения и не был плодом доверительного общения с будущим клиентом.

Кирилл всегда находил достаточно доводов, чтобы не вытаскивать его на свет.

Он избегал простой мысли: я испугался потерять богатого клиента.

Он думал иначе: документ не доказывает поджог; неясен источник; я не обязан заниматься чужой защитой; любое неосторожное движение навредит моему доверителю; на руках у следствия есть собственные средства проверки.

Каждый довод по отдельности казался разумным.

Вместе они оправдывали молчание.

* * *

В переговорной его ждал мужчина лет пятидесяти с дорогими часами и красными глазами. Почти всю встречу Кирилл слушал, как тот объяснял расхождения между прежними и нынешними показаниями.

— Я не вру, — повторял клиент. — Просто тогда не все помнил.

— Вы не обязаны рассказывать мне то, что, как вам кажется, я хочу услышать, — ответил Кирилл. — Но нам необходимо отделить то, что вы видели, от того, что узнали позже.

— Вы же понимаете, что суд может...

— Именно поэтому.

На столе лежала распечатка протокола. Кирилл отметил карандашом одно слово, затем другое. Он давно умел находить слабое место в чужом рассказе, не повышая голоса и не прибегая к угрозам. Иногда человеку хватало одной паузы, чтобы признаться в неточности. Иногда пауза заставляла его придумать следующую ложь.

Сегодня Кирилл сам ловил себя на том, что смотрит не на лист, а на красную полоску, оставшуюся на пальце от края конверта.

— Вы меня слышите? — спросил клиент.

— Да.

— Тогда скажите, как лучше объяснить расхождение.

— Правдиво, — ответил Кирилл.

Мужчина разочарованно опустил глаза. За такую консультацию он явно ожидал более сложного совета.

Кирилл закончил встречу на десять минут раньше. В коридоре набрал номер жены.

Екатерина ответила не сразу. На заднем плане плакал ребенок, кто-то негромко спрашивал о справке.

— Кирилл, я на приеме. Что-то срочное?

— Нет. Просто хотел спросить, во сколько будешь дома.

— Сегодня поздно. После шести еще комиссия, а потом бумаги. Ты забыл?

— Помню.

— У тебя голос странный.

— День тяжелый.

Она помолчала.

— Тебе надо пообедать.

— Катя...

— Я серьезно. Ты сейчас скажешь, что пил кофе, и это не считается. Слушай, вечером поговорим? У меня тут маленький пациент решил, что термометр — это игрушка, и теперь у нас переговоры.

Последние слова прозвучали тепло. Так она разговаривала с маленькими пациентами, а иногда и с Кириллом.

— Конечно, — сказал Кирилл. — Вечером.

Когда связь оборвалась, он остался стоять возле окна.

Они с Екатериной прожили вместе пятнадцать лет. В начале отношений она любила спрашивать, что он чувствует, и терпеливо дожидалась ответа. Потом вопрос стал реже. Он никогда не запрещал его задавать; просто научился отвечать так, чтобы продолжения не требовалось.

«Все нормально».

«Устал».

«Работа».

Сейчас он не солгал ей ни в одном слове.

И все же почувствовал, будто только что избежал разоблачения.

* * *

В половине третьего позвонил Павел Корнеев.

Кирилл несколько секунд смотрел на имя на экране, прежде чем ответить.

С именем Корнеева в его жизни были связаны дорогие рестораны, поздние встречи и редкое чувство, что собеседник никогда не задает вопроса, на который не знает хотя бы половины ответа. Их общение со временем сделалось почти дружеским — но только внешне. Корнеев любил приглашать его на рыбалку, на открытие нового офиса, на ужины с людьми, которых представлял как «наших». Кирилл почти всегда отказывался. Он понимал ценность дистанции. Во всяком случае, так ему казалось.

— Кирилл Сергеевич! — голос Корнеева был бодрым. — Не помешал?

— Есть несколько минут.

— Этого хватит. Мне нужна рекомендация по одному вопросу. Не юридическому, скорее организационному.

— Слушаю.

— Один бывший сотрудник ведет себя странно. Обзванивает людей, предлагает какие-то бумаги, обещает неприятности. Не люблю, когда взрослые люди устраивают спектакль.

Кирилл подошел к окну.

— Какой сотрудник?

— Старый. Из службы безопасности. Фамилия Ланской. Может, помнишь.

Кирилл помнил. Высокий, небритый мужчина с манерой молчать на полсекунды дольше, чем требовалось. Во время встречи в 2018 году тот долго просидел у двери и ни разу не

попросил воды.

— И что ты от меня хочешь?

— По-человечески поговорить. Без писем и претензий. Сказать ему, что такой способ общения обычно плохо заканчивается.

— Если это угроза, обращайся в полицию.

Корнеев рассмеялся.

— Вот поэтому я и звоню. Ты у нас правильный человек.

Кирилл промолчал.

— Слушай, — продолжил Корнеев уже тише. — Я не прошу ничего незаконного. Просто подумал, тебе будет интересно знать, что некоторые мертвецы опять выходят на работу.

— Какие мертвецы?

— Фигурально, Кирилл. Люди из прошлого. Мы же с тобой тогда нормально отработали. Правда?

За окном автобус медленно прошел через лужу, окатив

пешеходов серой водой. Женщина на остановке вскинула руку и что-то крикнула вслед водителю.

— Ты сегодня кому-нибудь еще звонил по этому поводу? — спросил Кирилл.

— А должен?

— Я задал вопрос.

Корнеев подождал.

— С утра разговаривал с бухгалтерией. И с одним старым знакомым. А тебе почему интересно?

— Потому что, если возникла реальная проблема, лучше формулировать ее точно.

— Раньше ты не был таким занудой.

— Был.

— Ладно. Я перезвоню на неделе.

Кирилл слышал, что разговор не закончен. Корнеев еще что-то хотел добавить, вероятно, имя или предупреждение.

Но вместо этого пожелал хорошего дня и отключился.

Через минуту на телефон пришло сообщение:

«Надеюсь, все старые вопросы у нас закрыты. П.К.»

Кирилл перечитал его и не ответил.

Возможно, Корнеев просто говорил так, будто собеседники уже заключили соглашение. Он разговаривал подобным образом с чиновниками, поставщиками и даже официантами. «Мы же понимаем», «между нами», «ты человек серьезный». Фразы создавали связь там, где ее не было, и чувство обязательства там, где никто ничего не обещал.

Сейчас каждая из них звучала как намек.

Кирилл достал конверт из ящика и положил рядом с телефоном.

Снимок склада, копия протокола, письмо.

Затем поднял трубку внутренней связи.

— Лена, можешь зайти?

Она появилась через минуту с маленьким блокнотом.

— Скажи, у нас на входе работает камера?

— Работает. Если хозяин помещения наконец оплатил обслуживание, то даже пишет.

— Узнай, пожалуйста, сохранилась ли запись с девяти до десяти утра. Мне нужен человек, который принес письмо.

Елена Петровна не стала спорить.

— Я поняла.

— И не передавай ему, если вдруг объявится, что я им интересовался.

— А как я пойму, что это он?

Кирилл подумал.

— Ты его видела.

— В серой куртке, — напомнила она. — Таких сегодня половина Петербурга.

Он устало провел рукой по лицу.

— Верно. Тогда просто сообщи, если кто-то спросит о письме.

Помощница вышла, оставив дверь приоткрытой.

На секунду Кирилл поймал себя на желании окликнуть ее и сказать, чтобы ничего не искала. Не потому, что он не хотел знать отправителя. Он боялся, что, узнав, перестанет иметь право притворяться, будто все это чужая история.

* * *

Елена Петровна вернулась без записи.

— Камера вчера была отключена, — сказала она. — Подрядчик меняет оборудование. Обещали закончить к пятнице.

— Как удобно.

— Не думаю, что они знали про ваше письмо.

— Я тоже не думаю.

Она поставила на стол старый накопитель. Черный корпус был поцарапан, резиновый уголок отогнут. Короткий кабель выглядел так, словно пережил несколько переездов.

— Нашла в коробке с новогодними гирляндами. Не спрашивайте почему.

Кирилл впервые за день улыбнулся.

— Спасибо.

— Я еще спросила внизу у охраны. Мужчину с конвертом никто не запомнил. Там утром столько доставок...

— Хорошо.

— Вам заказать обед?

— Уже поздно.

— Это не ответ.

— Тогда да.

Она прищурилась.

— Суп?

— Любой.

Елена Петровна ушла, а он подключил накопитель.

На экране появился значок диска. Кирилл нашел директорию «старое», затем папку с пометкой «до кабинета». Десятки папок, названных по фамилиям, годам и предметам. У большинства названий он не помнил происхождения.

Документ Кондратьева нашелся почти сразу.

Скан на четырех страницах.

Первая — та самая служебная записка. Вторая — приложение со списком оборудования. Третья — перечень лиц, уведомленных о риске. Четвертая — письмо Кондратьева, написанное без официальной формы.

«Передаю копии, чтобы потом никто не сказал, что не знал».

Кирилл смотрел на эту строку долго.

Кирилл представлял, как Кондратьев печатал эту записку

в служебной комнате и колебался, стоит ли отдавать ее бывшему приятелю, ставшему адвокатом. Вероятно, он считал, что юрист обязательно поймет, что делать.

А Кирилл решил, что достаточно было совета, данного при встрече.

На третьей странице были фамилии.

Он прочитал их подряд, уже зная, что к этому списку придется вернуться.

Кондратьев.
Ланской.
Главный инженер.
Руководитель смены.

И ниже, отдельно, с пометкой от руки: «Директору направлено повторно».

Подписи директора не было.

Кирилл увеличил изображение и посмотрел на дату получения, отмеченную канцелярией. За шестнадцать дней до пожара.

Шестнадцать дней, в течение которых опасные работы еще можно было проверить.

Но проверка так и не состоялась.

Он откинулся в кресле. Гудел системный блок. За окном быстро темнело.

Однажды, спустя полгода после приговора Зорину, он уже открывал этот файл.

Тогда Кирилл собирался направить письмо одному знакомому адвокату, который представлял родственника погибшего рабочего. Не как доказательство в суд — просто как указание на возможное направление проверки. Он даже составил черновик: «Обратите внимание на техническое состояние объекта до пожара».

Черновик остался неотправленным.

Кирилл помнил почему.

За час до этого ему позвонил Корнеев и рассказал, что в отношении его компании возобновили интерес к старым документам. Он говорил ровно, почти шутливо, но в конце спросил, можно ли Кириллу доверять.

Кирилл ответил: «Конечно».

И решил не отправлять письмо.

Тогда ему казалось, что он защищает профессиональный принцип. Сегодня он не был уверен, что не защищал прежде всего самого себя — от сложного разговора, от обвинений в нелояльности, от возможной потери денег, от необходимости признать, что в начале истории уже ошибся.

Он закрыл файл, не сохраняя изменений.

Потом снова открыл.

На этот раз сохранил отдельную копию в личной папке, не смешивая ее с материалами поручений Корнеева. Хотя бы здесь он пытался соблюдать границы.

Но легче от этого не стало.

* * *

Дома пахло яблоками и стиральным порошком.

Екатерина сидела на кухне у окна с планшетом и кружкой

чая. Волосы были собраны в небрежный пучок, на переносице оставалась светлая полоска от очков. Она выглядела усталой, но спокойной: так выглядели люди, которые научились не приносить каждую рабочую тревогу домой.

— Ты рано, — сказала она, взглянув на часы.

Было почти девять.

— По моим меркам?

— По твоим.

Он наклонился и поцеловал ее в висок.

— Ты ела?

— Да. На плите есть рыба. Не спрашивай, почему она выглядит как пережившая кораблекрушение.

Кирилл открыл крышку сковороды. Рыба действительно выглядела плохо, но пахла вкусно. Он положил себе кусок и сел напротив жены.

Екатерина убрала планшет.

— Рассказывай.

— Что?

— Что случилось.

Он попытался улыбнуться.

— Почему обязательно что-то должно случиться?

— Потому что ты пришел домой, поцеловал меня и не спросил, где лежит соль. А соль уже два месяца на одном месте.

Он взял вилку. Несколько секунд ел молча.

— Сегодня получил письмо.

— От кого?

— Не знаю.

— Угрожают?

Кирилл поднял глаза.

— Почему ты так решила?

— Ты не умеешь рассказывать хорошие новости голосом человека, который идет на операцию.

Он положил вилку.

— Письмо касается старого дела. Очень старого.

— Корнеев?

Имя прозвучало спокойно, без драматического акцента. Екатерина знала Корнеева по двум совместным ужинам и не любила его. Однажды тот сказал ей, что врачи слишком много думают о пациенте и слишком мало — о системе. Екатерина ответила: «Мой пациент и есть причина существования системы». Корнеев рассмеялся, будто услышал удачный тост.

После того вечера Кирилл перестал приглашать его домой.

— Отчасти, — сказал он.

Екатерина отодвинула чашку.

— Я помню ту историю. Склад, пожар, охранник. Ты тогда почти не спал.

— Работы было много.

— Да. И ты постоянно повторял, что все сделал правильно.

Кирилл посмотрел на нее.

— Разве это плохо?

— Нет, если ты уверен.

— А если не уверен?

Она задержала взгляд.

— Тогда обычно говорят не так часто.

Он почувствовал знакомое желание защититься. Напомнить, что она не читала материалы, не знает всех обстоятельств, что юридическая работа не сводится к бытовой справедливости. Все это было бы правдой.

И все это опять позволило бы ему не отвечать.

— Я получил копии документов, — сказал он. — Один из них я видел раньше.

— И?

— И не знаю, почему мне прислали его сейчас.

— А почему ты не хочешь сказать, что в нем?

Кирилл опустил глаза на тарелку.

— Потому что пока не понимаю, что могу рассказывать.

Екатерина кивнула, не настаивая. Он не понял, поверила она его объяснению или просто устала спрашивать.

— Ты хотя бы в безопасности?

— Думаю, да.

— Не надо думать. Мне нужно знать, что ты не будешь изображать бесстрашного человека из кино.

— Я не изображаю.

— Именно. Ты изображаешь, что ничего не происходит. Это гораздо труднее заметить.

Она встала, убрала чашку в мойку и включила воду. Кирилл слушал, как она ополаскивает посуду. Ему хотелось подойти и обнять ее, но он боялся, что тогда придется сказать больше.

— Катя.

Она выключила кран.

— Да?

— Ты считаешь меня хорошим человеком?

Вопрос прозвучал настолько неуместно, что Екатерина сначала решила, будто ослышалась.

— Что?

— Ничего. Глупость.

— Нет, подожди. Ты правда спрашиваешь?

Он кивнул.

Она вернулась к столу.

— Я считаю тебя человеком, которого люблю. Это не одно и то же.

Он усмехнулся, хотя ничего смешного не было.

— Похоже на профессиональную оговорку.

— А ты хотел справку с печатью?

Она сказала это мягко, но Кирилл ощутил укол.

— Иногда, — произнес он, — человеку нужно услышать что-нибудь простое.

— Тогда спроси просто.

— Я спросил.

— Нет. Ты спросил, как будто я должна вынести решение.

Екатерина присела напротив.

— Кирилл, я не суд. И тебе не нужно вести со мной за-

щиту.

Она коснулась его руки.

Он хотел рассказать про Кондратьева, старую папку, письмо до пожара, про то, как легко можно было спрятаться за точные юридические слова. Он даже начал:

— Восемь лет назад я...

В этот момент телефон завибрировал на столе.

Незнакомый номер.

Кирилл посмотрел на экран. Звонок прекратился, прежде чем он успел ответить. Через несколько секунд пришло сообщение.

«Вы открыли письмо?»

Он почувствовал, как пальцы похолодели.

— Кто это? — спросила Екатерина.

— Не знаю.

Следующее сообщение появилось почти сразу.

«Не пытайтесь искать меня через курьера. Он ничего не знает».

Кирилл медленно положил телефон на стол.

— Катя, — сказал он, — мне нужно проверить одну вещь.

Она посмотрела не на телефон, а на его лицо.

— Ты сейчас уйдешь?

— Нет.

На секунду он был уверен в ответе. Потом поймал себя на мысли о ключах от машины.

* * *

Он почти дошел до спальни, когда телефон коротко завибрировал.

Пришло изображение.

Неизвестный номер прислал фотографию листа бумаги,

лежащего на темной деревянной поверхности.

На листе была его собственная запись.

Кирилл узнал почерк сразу: квадратные буквы, тяжелые нижние штрихи, привычка подчеркивать даты дважды. Сверху стояло:

Вверху были видны только несколько обрезанных букв.

Кирилл присмотрелся: начало строки закрывал палец человека, державшего лист. Ниже читалось:

«До заключения соглашения. Источник не связан с поручением. Уточнить происхождение. Не смешивать».

Это была его пометка, сделанная на полях старого черновика.

Он не помнил, чтобы показывал ее кому-либо.

Следом появилось сообщение:

«Вы ведь тогда все понимали».

Кирилл медленно вернулся в кабинет, включил лампу и

открыл серую папку. Его бумаги лежали в томже порядке, в каком он их оставил. Но в нижнем отделении находился еще один карман — плоский, почти незаметный, между картоном и пластиковым корешком.

Он сунул туда два пальца.

Карман был пуст.

И только теперь вспомнил, что именно там держал не служебную записку, а собственный лист с вопросами, составленный после встречи с Кондратьевым.

Почти восемь лет Кирилл считал, что потерял его при переезде.

Кто-то нашел.

Кто-то сохранил.

Кто-то знал, в каком порядке он тогда задавал себе вопросы.

Он сел на край стула. На секунду ему захотелось набрать Корнеева и потребовать объяснений. Но это был бы не разговор, а признание, что одно изображение сумело вывести

его из равновесия.

Вместо этого Кирилл написал:

«Где вы взяли этот лист?»

Ответ пришел без задержки.

«Там же, где вы оставили человека одного».

Кирилл уставился в экран.

Слова могли относиться к Зорину, Кондратьеву или кому-то еще из той истории. Автор письма, похоже, рассчитывал именно на это: заставить его самому выбрать, за что себя обвинить.

Он не ответил.

Через минуту пришло еще одно сообщение:

«Завтра вы узнаете, почему это не только ваше прошлое».

Кирилл почувствовал желание проверить дверь, замки, окна. Он заставил себя остаться на месте.

Сообщение пугало своей неопределенностью: ни места, ни времени, ни имени. Запугивание строилось на том, что конкретику предстояло придумать ему самому.

Он сохранил переписку и включил резервное копирование. Потом открыл чистую страницу блокнота и написал сверху:

«Факты».

Ниже:

«1. Конверт передан в кабинет утром.
2. Внутри — фото склада, копии документа и протокола, текст угрозы.
3. Звонок Корнеева после получения письма.
4. Упоминание Ланского Корнеевым.
5. Анонимные сообщения вечером.
6. У неизвестного есть фотография моей личной записи».

Он перечитал список.

Список выглядел сухим, почти безобидным. Бумага ничего не говорила о чувстве, которое он испытывал: будто за восемь лет кто-то незаметно обошел вокруг его жизни и теперь стоял у входной двери, проверяя ключ.

Кирилл добавил седьмой пункт:

«Не делать выводов без проверки».

Потом зачеркнул его.

Это был не факт.

Это было обещание самому себе.

* * *

В спальне горел ночник. Екатерина спала на боку, отвернувшись к стене. Кирилл тихо лег, стараясь не потревожить ее.

Несколько минут он слушал ровное дыхание жены.

Раньше, когда дела становились тяжелыми, он убеждал себя, что действует ради нее, ради дома, ради общей спокойной жизни. Он не любил вспоминать, сколько решений, названных им заботой о семье, были на самом деле заботой о собственном положении.

Иногда люди делают неправильный выбор из жадности.

Иногда из страха. Но самая удобная причина — желание не причинять близким беспокойства. Ею можно оправдать почти любое молчание.

Екатерина пошевелилась.

— Ты пришел? — спросила сонно.

— Да.

— Все хорошо?

Он задержал дыхание.

Восемь лет назад знакомый передал ему предупреждение о технических рисках. Кирилл тогда дал разумный совет, но не стал добиваться независимой проверки сведений. Потом были пожар, суд и годы чужой жизни, которые нельзя вернуть даже самым грамотным заявлением.

Он мог сказать жене, что все хорошо.

Это прозвучало бы привычно. Возможно, она сразу уснула бы снова.

— Нет, — произнес он тихо.

Екатерина открыла глаза.

— Что случилось?

— Я пока не знаю.

Она перевернулась к нему.

— Тогда завтра узнаем.

Ее «узнаем» оказалось неожиданным: она не собиралась оставлять его одного с неизвестностью.

Кирилл хотел ответить, но телефон на тумбочке осветил потолок.

Новое сообщение.

Без текста.

Только фотография.

Двое мужчин выходили из здания, снятые издалека, через ветровое стекло автомобиля. Один был в темном пальто, с портфелем в правой руке. Второй — в синей рабочей куртке.

Первого Кирилл узнал сразу.

Это был он сам.

Снимок был датирован семнадцатым сентября 2018 года — следующим днем после той встречи. О ней Кирилл почти никому не рассказывал.

Второго человека снимок показывал только со спины.

Кирилл приблизил изображение. На воротнике синей куртки темнело масляное пятно, на левом рукаве была нашивка предприятия.

Он помнил этого человека.

Помнил, как тот оглянулся на ступенях и спросил:

— Вы ведь не оставите это просто так?

Тогда Кирилл не ответил.

Теперь кто-то показал ему фотографию именно этой минуты.

И в нижней части экрана высветилась последняя строка:

«На этот раз у вас есть время ответить».

Глава 2. Дело о пожаре

Санкт-Петербург. Сентябрь 2018 года — осень 2026 года

В то сентябрьское воскресенье Кирилл Власов впервые услышал, как человек просит о помощи, словно заранее извиняясь за беспокойство.

Алексей Кондратьев стоял на пороге квартиры с полиэтиленовым пакетом в руке. Из пакета торчал угол картонной папки. Куртка на нем была застегнута неправильно — одна пуговица пропущена, следующая вошла не в свою петлю. Кирилл отметил это машинально и только потом посмотрел приятелю в лицо.

— Ты заболел?

— Нет. Можно войти?

Они не виделись почти два года. В телефонных разговорах Кондратьев оставался тем самым Алексеем, который мог полчаса спорить о футбольном матче, окончившемся десять лет назад, и забывал поздравить друга с рождением ребенка. Теперь даже походка у него была непривычной.

Екатерина была на дежурстве. Кирилл приготовил чай, достал сахарницу, смахнул со стола крошки от утреннего хлеба. Все это он делал медленно, надеясь, что гость заговорит сам.

Но Кондратьев молчал.

На часах было без двадцати двенадцать. За окном подростки гоняли мяч по мокрому двору. На соседнем подоконнике сохли вымытые стеклянные банки. Обычное воскресенье. Через несколько недель Кирилл будет вспоминать его до мелочей.

— Ну? — спросил он. — Ты сказал, срочно.

Кондратьев достал папку.

— Я хочу, чтобы ты посмотрел одну бумагу. Не как адвокат. Просто как знакомый юрист.

— Так не бывает, Леша. Либо тебе нужен совет, либо ты пришел поболтать.

— Тогда совет. Но так, чтобы никто не узнал.

Кирилл не стал обещать.

На листе была шапка общества с ограниченной ответственностью «Северный терминал». Ниже — адрес комплекса, исходящий номер и обращение к руководству. Кондратьев работал там техником по автоматике. Объект Кирилл знал только по дорожным указателям: складские корпуса за городской чертой, грузовики, бесконечные бетонные заборы.

В тексте говорилось о неисправном оборудовании оповещения, временных отключениях и проверках, не завершенных после ремонта. Формулировки были техническими, но вывод был понятен: продолжать эксплуатацию отдельных помещений без устранения нарушений опасно.

— И что? — спросил Кирилл. — Ты это составил?

— Я. И еще один человек смотрел.

— Подписал?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ему ипотеку платить.

Кондратьев произнес это без осуждения, почти завистливо.

— А у тебя разве нет ипотеки?

— Есть. Поэтому я здесь.

Он достал еще один лист — распечатку электронного письма. Руководитель подразделения требовал до понедельника подготовить акт о работоспособности системы. В ответе Кондратьева стояли три вопроса, на которые никто не ответил.

— Ты хочешь понять, имеешь ли право отказаться от подписи?

— Я знаю, что имею. Я хочу понять, что будет потом.

Кирилл перечитал письмо.

— Это разные вещи.

— Для тебя, наверное.

На столе между ними лежала белая салфетка с нарисованной Екатериной смешной рыбой. Кирилл отодвинул ее в сторону. В ту минуту он еще мог относиться к разговору как к чужому трудовому конфликту. Начальство давит, сотрудник сопротивляется, юрист объясняет порядок письменных обращений. Никаких загадок. Никакой трагедии.

— Если акт не соответствует фактическому состоянию оборудования, подписывать его нельзя, — сказал он. — Подготовь мотивированный отказ. Зарегистрируй сообщение о выявленных нарушениях. Сохрани доказательства направления. И не ограничивайся внутренним письмом, если речь о реальной угрозе людям. Есть надзорные органы, есть порядок обращения.

— Ты говоришь так, будто это происходит в нормальном месте.

— А у вас ненормальное?

Алексей посмотрел в окно.

— У нас все нормальное, пока комиссия не приехала. Потом на ночь снимают таблички, ставят огнетушители там, где их никогда не было, а утром говорят, что так и стояли.

— Ты это видел?

— Не все. Но достаточно.

— Тогда фиксируй то, что видел. Остальное не приписывай себе.

Кондратьев кивнул. Он вообще слишком часто кивал, словно приехал не за советом, а за подтверждением уже принятого решения.

Потом достал из пакета маленький блокнот.

— Еще вот что. Я не могу понять, зачем они торопятся. Там собираются перевести хранение в третью секцию. Часть груза уже пришла. А документацию никто не закончил.

— Какие грузы?

— Разные. Я не складской, Кирилл. Мне показывают то, что относится к автоматике. Но я же не слепой.

— Если сведения касаются безопасности, напиши об этом отдельно.

— Я написал.

Он показал пальцем на абзац.

Кирилл прочитал: «Считаю необходимым приостановить эксплуатацию секции до окончания проверочных мероприятий».

— Хорошая формулировка, — сказал он.

Кондратьев усмехнулся.

— От хорошей формулировки никто еще не спасся.

Кирилл не ответил. Именно эта фраза раздражала его больше всего: в ней было несправедливое презрение к той работе, которую он умел делать.

Алексей сложил бумаги, но копию записки оставил.

— Возьми. Если со мной начнут разбираться, чтобы ты хотя бы понимал, из-за чего.

— Для чего мне ее хранить?

— На всякий случай.

— Леша, я не архивное бюро.

— Знаю.

Он не забрал лист.

Кирилл хотел вернуть его, затем передумал. Подумаешь, бумага. Не первая и не последняя.

Когда они вышли из квартиры, Алексей задержался у лифта.

— Слушай, а ты как думаешь, у нас кто-нибудь действительно может пострадать?

В вопросе было столько надежды, что Кирилл ощутил неловкость. Приятель хотел услышать «нет». Хотел, чтобы человек с юридическим образованием посмотрел на страшную бумагу и объявил опасность преувеличением.

— Я не специалист по пожарной безопасности, — сказал Кирилл. — Но если ты все изложил точно, к этому надо отнестись серьезно.

Кондратьев кивнул, словно ответ его успокоил.

— Ладно. Спасибо.

На площадке он обернулся еще раз:

— Я не хочу, чтобы кого-нибудь потом сделали виноватым задним числом.

— Тогда не подписывай того, чего не проверял.

Лифт приехал. Двери раскрылись.

И Кирилл остался стоять с ощущением, что разговор закончился не там, где должен был.

* * *

Шестнадцатого сентября они встретились еще раз.

Не дома. На этот раз Алексей попросил подъехать к небольшому административному корпусу рядом с комплексом. Воскресная парковка была почти пуста. Рядом с шлагбаумом мокла в дождевой воде пластиковая рекламная стойка. На фасаде висела табличка «Северный терминал», плохо закрепленная в одном углу.

Кирилл приехал на своем старом автомобиле. Кондратьев

вышел навстречу вместе с человеком в синей рабочей куртке.

— Это Андрей, — сказал Алексей. — Он знает больше моего.

Андрей не представился по фамилии. Лицо у него было широкое, добродушное, но взгляд оставался настороженным. На левом рукаве куртки темнела эмблема предприятия, на воротнике — пятно машинного масла.

Они поднялись по ступеням в пустой холл. Дежурная у входа смотрела телевизор без звука и даже не спросила документы: Алексей махнул рукой, и она снова повернулась к экрану.

В маленькой комнате пахло влажной пылью и разогретым пластиком. На столе стоял электрический чайник, рядом лежали свернутые удлинители. Сквозь стену доносился гул вентиляции.

— Я не могу ходить по складу и что-то проверять, — предупредил Кирилл. — У меня нет такого полномочия. И я не эксперт.

— Мы не об этом, — сказал Андрей.

Он достал из кармана сложенную вчетверо бумагу и развернул ее на столе.

Это была схема нескольких помещений. Красным карандашом отмечались технические зоны, синим — маршруты перемещения работников.

— Смотри. Раньше мы ходили через этот коридор. Сейчас там заставили проход, и смена идет обходом. Вчера открыли этот склад, хотя там после ремонта еще не все сделали.

— Что именно не сделали? — спросил Кирилл.

— Не могу точно сказать.

— Тогда так и надо говорить.

Андрей замолчал, отвернувшись к окну.

Кондратьев вмешался:

— Мы не просим тебя составлять жалобу от имени всего завода. Нам нужно понять, куда обращаться и как добиться проверки, пока не поздно.

— Вы уже куда-нибудь обратились?

— Написали руководству.

— Я говорю не о руководстве.

Алексей опустил глаза.

— Пока нет.

Кирилл объяснил, что можно направить обращение в компетентные надзорные органы, изложив проверяемые факты, даты, документы и сведения о конкретных рисках. Не обещал результатов, не говорил, что инспектор появится завтра. Он знал, как мало стоит обещание, данное за чужую государственную службу.

Андрей слушал молча. Потом спросил:

— А если там все свои?

— Я не знаю, кто там у вас «свои», — ответил Кирилл. — И гадать не собираюсь.

— Вы умный человек.

В устах Андрея это не прозвучало похвалой.

— Я стараюсь говорить о том, что знаю.

— Вот только иногда, — сказал Андрей, — человек знает больше, чем готов сказать.

Кирилл взглянул на Кондратьева, но тот смотрел в стол.

Встреча продолжалась меньше часа. Алексей попросил еще раз проверить текст обращения. Кирилл отметил несколько неточных утверждений и предложил их убрать: иначе документ можно было легко дискредитировать, показав одну недоказанную подробность.

Когда они вышли из здания, начало моросить сильнее. На дальнем краю парковки медленно проехала темная машина. Кирилл не обратил на нее внимания.

На ступеньках Андрей задержался.

— Вы ведь не оставите это просто так?

Кирилл посмотрел на него.

Фраза была произнесена негромко, без нажима.Не прось-

ба даже — скорее попытка получить подтверждение того, что встреча имела смысл.

Ему следовало ответить: «Я могу помочь вам составить документы, но действовать должны вы». Или: «Если угроза непосредственная, необходимо сообщить о ней немедленно». Или просто: «Не знаю».

Он ничего не сказал.

В кармане зазвонил телефон. Елена Петровна напоминала о понедельничном совещании. Кирилл отошел, ответил, а когда вернулся, Андрей уже исчез за дверью.

Позже он будет представлять это молчание во множестве вариантов. В каждом из них находилась причина, почему он не должен был обещать невозможного. Но ни в одном он не находил причины, почему не мог сказать хотя бы одно обычное человеческое слово.

* * *

В конце сентября «Северный терминал» появился в городских новостях — без упоминания о неисправностях.

Открытие нового складского участка. Расширение воз-

можностей комплекса. Создание рабочих мест. На фотографии рядом с руководством стояли двое представителей районной администрации. Один держал ножницы перед символической лентой, второй улыбался в камеру.

Кирилл пролистал заметку в обеденный перерыв.

На заднем плане виднелся коридор, который Андрей отмечал на плане синим карандашом. Но снимок был сделан с другого угла: препятствия на нем не разглядеть.

Он отправил ссылку Кондратьеву.

«У вас все исправили?»

Ответ пришел вечером.

«На бумаге — да».

Кирилл написал: «Что конкретно осталось?»

Ответа не было.

Он позвонил. Алексей сбросил вызов, а через час отправил короткое сообщение: «Пока не могу говорить».

Кирилл не стал настаивать.

В начале октября стало холодно. По утрам лобовое стекло покрывал тонкий лед, который дворники только размазывали. Екатерина жаловалась, что в поликлинике опять не включили отопление как следует. По вечерам они ели на кухне, обсуждали бытовые расходы и планы на отпуск. Кирилл иногда вспоминал о складе, но память уже успела сделать из истории не срочную опасность, а незавершенный разговор.

Он хранил служебную записку в серой папке.

Не доставал.

* * *

В начале октября Кондратьев прислал последнее сообщение: «Я сделал все, что мог. Дальше сам решай». Кирилл прочитал его в пробке и решил позвонить позже. Не позвонил.

В ночь пожара Виктор Зорин впервые за долгое время собирался уйти домой вовремя.

Ему было сорок девять. Сутулый, с преждевременно поседевшими висками, он работал охранником на комплексе

третий год. Работа не нравилась, но устраивала тем, что после ночной смены оставался свободный день. Дома ждала дочь-студентка, которая не раз советовала ему сменить работу. Зорин соглашался, а потом выходил на очередное дежурство.

В тот вечер он созвонился с Верой.

— Пап, ты лекарства купил?

— Купил.

— Какие?

— Те, что ты сказала.

— Название помнишь?

— Вера, у меня голова не резиновая.

Она засмеялась.

— Покажешь упаковку, когда придешь.

— Покажу. И кашу сварю.

— Не надо кашу. Лучше поспи.

— Мне не восемьдесят.

— Ты себя ведешь на сто двадцать.

После разговора он убрал телефон в карман, поправил бейдж и пошел по коридору. В комнате охраны пахло кофе и мокрой тканью. Напарник жаловался на новый порядок доступа: несколько дверей теперь открывались по временным карточкам, и половина работников путалась.

Зорин был человеком привычки. Он знал, где на территории свет не горит, какую дверь прижимает ветром, кто из водителей ругается с диспетчером. Технических отчетов не читал и в хозяйственные решения не вмешивался. Охрана, говорил он дочери, существует для того, чтобы в два часа ночи никто не украл то, что начальство не успело потерять днем.

К полуночи один из грузовиков задержался у въезда. Водитель утверждал, что его ждали, но фамилии принимающего не назвал. Зорин позвонил дежурному, не получил подтверждения и развернул машину.

Позднее следователи будут спрашивать о каждом таком

эпизоде. Был ли водитель знаком? Кто позвонил? Почему не записал номер телефона? Что именно видел в зеркале?

На эти вопросы у Зорина не будет хороших ответов.

В ту ночь он еще не знал, что через несколько месяцев ему придется вспоминать каждую мелочь перед судом.

В половине второго он заметил запах.

Сначала слабый, неприятный, словно перегрелась проводка. В коридоре было пусто. Зорин прошел к посту, проверил сообщения на панели и позвонил дежурному по территории. Потом запах усилился.

Он помнил, как кто-то закричал за дверью. Помнил бегущего человека в светлой футболке. Помнил сирену, которая сначала казалась слишком тихой, а затем стала невыносимой. Помнил, как пытался выйти к служебному проходу и столкнулся с потоком дыма.

Затем память распалась не от забвения, а от страха.

Пришлось отступать. Кто-то тянул его за рукав. На улице под ногами хрустело стекло. Один из работников все повторял, что внутри остались люди.

Зорин пытался вернуться.

Его удержали.

Позже ему будут задавать вопрос, почему он двигался в определенном направлении. Почему не открыл конкретную дверь. Почему ключи были у него, а он не воспользовался ими вовремя.

Он будет отвечать честно, насколько способен.

И каждый ответ станет выглядеть хуже предыдущего.

* * *

Кирилл узнал о пожаре утром.

Не из звонка Алексея. Из радио.

Он стоял на лестничной площадке прежнего офиса, где после ремонта этажом ниже долго пахло мокрой штукатуркой. Из открытого окна доносились звуки улицы, а из кабинета консьержа — выпуск новостей.

«При пожаре в складском комплексе погибли два челове-

ка...»

Название прозвучало не сразу. Сначала Кирилл услышал только слово «склад», затем «Ленинградская область» и наконец — «Северный терминал».

Он достал телефон.

Номер Кондратьева не отвечал.

Он позвонил еще раз. Потом написал: «Ты в порядке?»

В интернете уже появились первые фотографии. Темный дым, пожарные автомобили, несколько человек за ограждением. Под одной заметкой кто-то спрашивал, почему сигнализацию услышали не все сотрудники. Под другой спорили о проводке. Третья утверждала, что произошел поджог.

Кирилл смотрел на экран. Знакомые очертания комплекса казались чужими после пожара.

Он поднялся в кабинет. Елена Петровна сразу поняла, что случилось что-то серьезное.

— Вы бледный.

— Новости видела?

— Какие?

Он показал ей экран.

Она прочитала и тихо сказала:

— Там же ваш знакомый работает.

— Работал. Не знаю.

Кирилл закрыл дверь, достал серую папку и перечитал служебную записку.

Фразы, которые в воскресенье казались чересчур осторожными, стали грубыми, конкретными. «Приостановить эксплуатацию». «Считать опасным». «До проведения проверки».

Он поймал себя на том, что ищет в тексте что-нибудь успокаивающее: другую секцию, иной тип оборудования, указание на устранение неисправности. Ничего такого там не было.

Однако и доказательством причины пожара записка не яв-

лялась. Указанная неисправность могла не иметь отношения к возгоранию. Люди могли погибнуть по совершенно другим причинам.

Кирилл понимал это.

И все же от понимания не становилось легче.

Он подошел к окну и еще раз набрал Кондратьева.

Недоступен.

— Может, позвонить в больницы? — спросила из дверей Елена Петровна.

— Не сейчас.

— Вы уверены?

Кирилл хотел сказать «да», но остановился.

— Нет. Не уверен.

В тот день он почти не работал. Перечитывал новости, следил за сообщениями спасательных служб, несколько раз звонил общим знакомым. Никто ничего не знал. Во второй

половине дня появились фамилии погибших — их назвали не все издания, и Кирилл не мог установить надежность сообщений.

Он вспомнил схему, которую показывал Андрей, и попытался мысленно сопоставить ее с фотографиями пожара.

На одном снимке над зданием возвышалась темная лестница. На другом виднелся обгоревший угол пристройки. По перспективе определить, где именно начался огонь, было невозможно.

Он закрыл все вкладки.

Вечером Екатерина спросила:

— Ты хотел помочь знакомому. Почему не помог?

— Я помог. Объяснил, как действовать.

— А он действовал?

— Не знаю.

Она помолчала.

— Ты можешь это выяснить?

Кирилл ответил, что попробует.

Но даже тогда не понимал, что именно он хочет узнать. Остался ли Кондратьев жив? Были ли исправлены нарушения? Кто виноват? Или можно ли доказать, что его собственного бездействия в этой цепочке не было?

* * *

Через три дня Кондратьев ответил: «Живой. Ничего не спрашивай». А в начале ноября из приемной владельца комплекса позвонили и предложили Кириллу обсудить юридическую помощь.

Корнеев пришел без свиты.

Высокий, плотный мужчина в темном пальто, с лицом человека, который умеет быть обаятельным, когда это выгодно, и безразличным, когда не нужно нравиться. В руках он держал кожаную папку, которую положил на стол так, чтобы Кирилл увидел аккуратный золотой уголок.

— Говорят, вы не любите длинных вступлений, — сказал Корнеев.

— По делу обычно проще.

— Тогда по делу. Моя компания попала в неприятную историю. Пожар, погибшие. Сейчас проводится проверка, людей вызывают для дачи объяснений, собирают документы. Я хочу понимать свои права и действия компании, не мешая расследованию.

Он говорил правильно. Без жалоб на органы, без резких обвинений, без попыток сразу объяснить, кто виноват.

Кирилл слушал и делал заметки.

— Вы лично в каком статусе участвуете? — спросил он.

— Пока меня пригласили дать объяснения.

— Это не равнозначно статусу подозреваемого.

— Я понимаю. Поэтому и пришел к адвокату, а не к телевизионному эксперту.

Корнеев улыбнулся.

Кирилл уточнил, кого Корнеев представляет, какие во-

просы входят в предполагаемое поручение, кто еще получает юридическую помощь и нет ли пересечения интересов. Обсудили порядок взаимодействия, документы и необходимость отдельного соглашения.

Разговор был сухим и профессиональным, пока Корнеев не спросил:

— Вам известно, кто первым сообщил о неисправностях на объекте?

Кирилл поднял глаза.

— А что именно вы хотите узнать?

— Был один сотрудник. Любил писать бумаги. Сейчас его ищут, не могут связаться. Возможно, он располагает важной информацией.

— В таком случае ее надо получать законным способом через установленную процедуру.

Корнеев кивнул.

— Конечно. Я и не предлагаю ничего другого.

Он сделал паузу.

— Вы, кажется, с ним знакомы.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Вот оно, подумал Кирилл. Сентябрьская встреча неожиданно стала частью нового поручения.

— Если это имеет значение для возможного соглашения, нам нужно обсудить пределы поручения и возможные противоречия интересов, — сказал он.

Корнеев помедлил, а потом улыбнулся шире.

— Разумно. Мне такие люди и нужны. Которые сначала думают.

Встреча продолжалась еще сорок минут. Никаких прямых угроз, никаких предложений скрыть документы. Корнеев задавал вопросы о процедуре, сроках, вызовах, правах при получении объяснений и допросе. Кирилл отвечал в общих пределах, не обещая исхода.

И все же, когда посетитель ушел, он почувствовал не облегчение, а усталость.

Елена Петровна принесла кофе.

— Приятный мужчина, — сказала она.

— Да.

— Вы будете с ним работать?

Кирилл посмотрел на визитку Корнеева.

— Возможно.

В тот момент он еще мог принять другое решение.

Ему нравилось впоследствии считать, что главное случилось значительно позже: после появления обвиняемого, после приговора, после первых газетных публикаций. Но у любого большого решения есть маленькая, почти незаметная дверь, через которую человек проходит прежде, чем понимает направление.

Он уже держал руку на дверной ручке.

* * *

К концу ноября у Кирилла появилось соглашение с Корнеевым. Работа шла в рамках конкретных процессуальных вопросов и подготовки документов. Кирилл фиксировал поручения, объяснял доверителю права, внимательно отделял проверенные обстоятельства от предположений.

Корнеев был дисциплинированным клиентом.

Приходил вовремя. Оплачивал счета без напоминаний. Не пытался давать Кириллу указания, какие именно слова тот должен произносить. Он задавал вопросы, слушал ответы, иногда выглядел искренне обеспокоенным судьбой погибших работников.

Именно это позже казалось Кириллу наиболее опасной особенностью Корнеева: тот умел показывать обычные человеческие чувства так, что не оставлял собеседнику возможности проверить, где они кончаются.

Однажды, после обсуждения официального запроса документов, Корнеев задержался возле двери.

— Знаете, что меня больше всего поражает? — спросил он.

— Что?

— Людям хочется одного виновного. Чтобы можно было указать пальцем и закончить разговор.

— Для уголовного дела одного желания мало.

— Согласен. Но вы же понимаете, что жизнь сложнее.

Кирилл кивнул.

— Всегда.

Корнеев посмотрел на него с интересом.

— Вот потому с вами приятно работать. Вы не делаете из юриспруденции религию.

После ухода клиента Кирилл несколько минут сидел неподвижно. Он не знал, почему фраза неприятно задела его. Может быть, потому, что тот назвал его достоинством способность видеть сложности. А может быть, потому, что иногда сложность становилась удобным поводом не называть простые вещи своими именами.

Вечером Кирилл открыл серую папку.

Служебная записка Кондратьева лежала на месте. Рядом — сделанные им самим заметки, написанные в сентябре, еще до соглашения с Корнеевым.

Он вытащил лист и прочитал первую строку:

«Источник не связан с поручением».

Ниже были вопросы о происхождении документа, о его значении и о том, кому следует сообщить проверяемые сведения. Он положил лист обратно.

На следующий день сделал то же самое.

Через неделю перестал открывать папку.

Никто не запрещал ему думать об этом. Никто не требовал забыть.

Просто каждый новый день добавлял обстоятельства, на фоне которых старое решение выглядело еще более окончательным.

* * *

Когда по телевидению сообщили об обвинительном при-

говоре Виктору Зорину, Кирилл выключил звук.

На экране показали фасад суда, затем ведущую, затем серую фотографию складских ворот. В бегущей строке было сказано о гибели двух работников и наказании, назначенном осужденному. Подробностей мотивировки приговора в коротком сюжете не было.

Кирилл не имел перед собой полного текста судебного решения. Не знал, как суд оценил каждое доказательство, какие показания признал достоверными, какие доводы защиты отверг. Он мог только предполагать, насколько серьезно изучалась техническая версия и могла ли старая записка изменить направление проверки.

Но одно он знал наверняка: эту записку никто не видел с его подачи.

Он не должен был разрушать тайну доверителя.

Не должен был изображать свидетеля того, чего сам не наблюдал.

Не должен был выдавать личные подозрения за установленный факт.

Все это было правдой.

И все же вопрос оставался.

Почему он так и не сделал ни одного шага, который мог бы позволить независимому источнику объяснить происходившее? Почему не связался с Кондратьевым, когда тот еще отвечал? Почему не предложил передать сведения тому, кто защищал Зорина, не раскрывая ничего из конфиденциальных консультаций? Почему каждый вариант казался ему слишком рискованным — и рискованным прежде всего для кого?

В кухню вошла Екатерина.

— Что случилось?

— Приговор.

Она посмотрела на экран.

— Тот охранник?

Кирилл кивнул.

— Ты доволен?

Он обернулся.

— Почему я должен быть доволен?

— Не знаю. Ты в последнее время так много говорил, что в этом деле важно соблюдать правила, что я подумала: наверное, решение суда для тебя что-то закрывает.

Кирилл хотел сказать, что судебное решение закрывает далеко не все, что существуют способы обжалования, что еще рано ставить точку. Он знал эти слова.

Но ни одно не подходило.

— Нет, — сказал он. — Не закрывает.

Екатерина положила ладонь ему на плечо.

— Тогда не делай вид, что закрыло.

Кирилл оставил телевизор выключенным.

Ответа для жены у него не нашлось.

* * *

Спустя несколько дней в кабинете снова позвонил телефон.

Номер был незнакомым. Женский голос спросил, работает ли у них адвокат Власов.

— Да, — сказал Кирилл.

— Мне нужно с ним поговорить об одном уголовном деле.

Он попросил представиться.

— Вера Зорина.

Он медленно сел.

— Слушаю вас.

— Вы представляли интересы руководителя «Северного терминала»?

Кирилл не стал подтверждать ни детали, ни содержание чужого поручения.

— По какому вопросу вы обращаетесь?

— Мой отец не поджигал склад. Я знаю, что вы можете это понять.

В голосе не было истерики. Девушка говорила ровно, чуть слишком отчетливо, как человек, который повторял подготовленные слова много раз.

— Если вам нужна юридическая помощь, я могу объяснить общий порядок обращения, — сказал Кирилл. — Но по обстоятельствам, связанным с другими лицами, не смогу обсуждать конфиденциальные сведения.

— Я не спрашиваю про ваших клиентов.

— А что вы спрашиваете?

— Были ли вы на территории комплекса до пожара?

Кирилл почувствовал, как холодеет ладонь, держащая телефон.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что один человек сказал, что видел вас там.

Он не ответил сразу.

— Кто?

— Это важно?

— Да.

— Для вас — наверное. Для моего отца важнее другое. Там до пожара знали, что с оборудованием проблема. Я нашла человека, который писал об этом. Он боится со мной разговаривать, но ваше имя назвал.

Кирилл закрыл глаза.

Кондратьев был жив. Доступен не ему, но кому-то другому.

Это должно было облегчить положение.

Вместо облегчения он ощутил раздражение — несправедливое, мгновенное. Девушка, которую он никогда не видел, говорила о его прошлом с уверенностью, на которую он не давал ей права.

— Я не могу по телефону оценивать сведения, которые не

видел и источник которых не установлен, — сказал он.

— Вы видели.

— Вы не знаете этого.

— Тогда скажите, что не приезжали туда.

Он посмотрел на серую папку.

Правдивый ответ состоял из двух слов: «Я приезжал».

Он мог произнести их, не раскрывая чужих тайн.

Но за этими словами последовали бы новые вопросы. Где? С кем? Когда? Что знал? Почему молчал?

— Я не готов обсуждать это с вами сейчас, — сказал он.

— Понятно.

Она произнесла одно слово, в котором не было ни злости, ни просьбы.

— Подождите, — поспешил Кирилл. — У вас есть адвокат?

— Есть.

— Пусть он проверяет сведения в установленном порядке. Если существуют документы, они должны получить надлежащую оценку.

— Он проверяет.

— Хорошо.

— Знаете, что я еще сделаю?

Кирилл молчал.

— Запомню этот разговор.

Она положила трубку.

Кирилл сидел так долго, что Елена Петровна пришла спросить, отменять ли следующую встречу.

— Нет, — ответил он.

Встреча состоялась вовремя.

С тех пор прошло семь лет, прежде чем он снова услышал имя Веры Зориной.

* * *

Осенью 2026 года, спустя сутки после получения анонимного письма, Кирилл вспомнил этот звонок не целиком.

Сначала вспомнил только голос. Потом — необыкновенно ровное «понятно». И лишь потом фразу: «Запомню этот разговор».

Он сидел в своем кабинете за тем же столом, хотя мебель вокруг уже менялась несколько раз. За окном шел дождь. В почте копились вопросы по текущим делам. Елена Петровна принесла кофе и осторожно поставила чашку на свободное место.

Кирилл открыл старую записную книжку за 2019 год.

Рядом с одним числом было написано: «Зорина. Позвонить?»

Знак вопроса он подчеркнул дважды.

Ниже не было отметки о выполнении.

Он смотрел на страницу, стараясь понять, что именно восемь лет назад заставило его оставить эту запись. Не сострадание — оно было бы слишком громким словом. Скорее неприятная мысль, что девушка могла снова позвонить и он должен был быть готов.

Он не позвонил ей.

Теперь на его столе лежал конверт без обратного адреса.

Он набрал в поиске имя Веры Зориной. Нашел ее публикации в небольшом расследовательском издании — о городских закупках, судебных процессах и семьях осужденных. В одном интервью она говорила: «Мне важно не доказать, что моя семья особенная, а понять, почему человеку перестают верить после того, как его назвали виновным».

Кирилл прочитал фразу дважды.

Затем закрыл страницу.

Ему не хотелось верить, что письмо прислала она. Не потому, что считал ее неспособной на это. Просто тогда пришлось бы признать, что в течение восьми лет одна молодая женщина делала именно то, что он сам счел слишком труд-

ным: продолжала задавать вопросы.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Елена Петровна прислала сообщение из приемной:

«Кирилл Сергеевич, только что звонили с незнакомого номера. Спрашивали, получили ли вы вчера письмо. Не представились».

Он посмотрел на закрытый ящик.

Там лежали фотография, протокол и два предложения, которые нельзя было забыть.

Кирилл медленно напечатал:

«Если позвонят снова, запиши точное время и слова. Ничего не обещай».

Отправил.

Потом открыл чистый лист бумаги.

Наверху написал: «Дело о пожаре».

Ниже — два имени.

Алексей Кондратьев.
Вера Зорина.

Третье имя он писал дольше.

Павел Корнеев.

Оставил между ними пустую строку.

И впервые за восемь лет не попытался убедить себя, что все уже закончилось.

Глава 3. Первая смерть

Санкт-Петербург. 11–13 ноября 2026 года

Леонид Нестеров никогда не выключал свет в прихожей.

Эта привычка появилась не в детстве, как он уверял бывшую жену, а восемь лет назад, когда однажды вернулся домой и слишком долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Пальцы дрожали. Лестничная площадка была темной, лампочку выкрутили, и ему казалось, будто кто-то стоит за спиной. Тогда он поставил в квартире датчик движения, но через неделю заменил его обычным выключателем: от внезапно вспыхивающего света пугался сильнее.

В среду вечером он вышел из дома за хлебом и молоком. В кармане лежал телефон, разряженный до семи процентов. За последние дни с неизвестного номера ему позвонили четыре раза. Первый звонок он сбросил. На втором услышал только тишину. Третий застал его в ванной, а четвертый — в продуктовом магазине, где громко спорили о цене картофеля.

Он больше не отвечал на неизвестные номера.

В магазине возле дома продавщица спросила, почему он не берет привычные сухари.

— Зубы берегу, — сказал Леонид.

Она засмеялась. Он улыбнулся в ответ, забрал сдачу и вышел на улицу, но улыбка исчезла раньше, чем закрылась дверь.

На его телефоне появилось сообщение.

«Нам нужно обсудить октябрь восемнадцатого. Лучше без посторонних».

Леонид остановился под козырьком. В отражении стеклянной двери магазина он увидел мужчину с серым лицом, слишком большим воротником куртки и пакетом в руке. Мужчина смотрел на него. Когда Леонид обернулся, оказалось, что это его собственное отражение.

Он набрал одно слово: «Кто?»

Точки набора ответа не появились.

Через минуту пришло: «У вас еще есть возможность сде-

лать правильно».

Он удалил переписку.

Потом вернулся в магазин и попросил зарядное устройство — любое, лишь бы подходило к его телефону. Продавщица удивилась, но показала полку с мелочами.

— Дорого, — сказал он, посмотрев на цену.

— Тогда в другой раз.

Леонид купил зарядку.

Дома, прежде чем снять ботинки, включил свет в прихожей. Поставил молоко в холодильник, хлеб оставил на столе. Взял ноутбук, который использовал в основном для оплаты коммунальных услуг, открыл старый почтовый ящик и десять минут сидел перед пустой строкой поиска.

Он помнил фамилию.

Власов.

Не мог вспомнить имя.

Только фамилию и выражение лица адвоката, которого однажды видел в коридоре следственного отдела: человека аккуратного, занятого, словно чужая беда могла быть назначена на определенное время и закончиться по расписанию.

Поиск выдал контакт на сайте адвокатского кабинета. Леонид посмотрел на номер и почти нажал вызов.

В этот момент в дверь позвонили.

Он вздрогнул.

Звонок повторился. Два коротких звука и один длинный.

— Кто там?

— По поводу вашей машины, — ответил мужской голос.

Леонид не имел машины уже четыре года.

Он подошел к двери, не открывая ее.

— Вы ошиблись квартирой.

— Возможно. Откройте, покажу фотографию.

Голос был спокойный. Не молодой и не старый. Такой голос легко забыть через минуту.

Леонид посмотрел на телефон, лежащий у компьютера, и впервые за много лет пожалел, что живет один.

— Оставьте номер, я сам перезвоню, — сказал он.

За дверью стало тихо.

Потом послышались удаляющиеся шаги. Леонид стоял в прихожей еще минут пять, не двигаясь. Свет над дверью горел ровно. Кто бы ни приходил, тот уже ушел.

Он вернулся к столу, взял телефон и набрал номер кабинета Власова.

Звонок прошел в 21:18.

Никто не ответил.

Леонид записал на листке фамилию Власова и номер кабинета, оставил листок у компьютера и решил позвонить утром.

Утром позвонить он уже не смог.

* * *

Кирилл увидел незнакомый номер, когда проверял пропущенные вызовы за среду. После вчерашних сообщений его интересовало даже то, что раньше казалось телефонным мусором.

Время: 21:18.

Сначала он подумал о Вере Зориной. Затем об Алексее Кондратьеве. Потом заставил себя остановиться: незнакомый номер не становится уликой только потому, что человек напуган.

— Лена, вечером кто-нибудь звонил на рабочий? — спросил он.

Елена Петровна подняла глаза от монитора.

— После моего ухода? Не знаю. Переадресация на вас работала, кажется.

— В двадцать один восемнадцать.

— А кто?

— Пока не знаю.

Она повернулась к экрану телефона.

— В журнале есть. Входящий, неотвеченный. Длина звонка семь секунд.

— Сохрани запись журнала. Не звонка, именно журнала.

— Из-за вчерашнего письма?

Кирилл ничего не ответил.

Помощница помедлила.

— Вы раньше любили говорить, что не надо превращать каждый телефонный звонок в событие.

— Раньше я был более последовательным человеком.

Она не улыбнулась.

На столе перед Кириллом лежало письмо без обратного адреса. Он принес его из дома и теперь держал в тонкой прозрачной папке. Сообщения на телефоне оставались без

ответа, последнее фото с его собственной записью он уже несколько раз увеличивал, тщетно пытаясь определить поверхность стола, на котором лежал лист.

Коричневый лак. Прямой край. Угол светлой салфетки.

Можно было придумать десяток историй о происхождении этого снимка. Ни одна не становилась доказанной.

Кирилл открыл блокнот и вписал номер в список фактов.

Потом все-таки набрал его.

Длинный гудок.

Еще один.

Автоматический голос сообщил, что абонент временно недоступен.

Он положил телефон.

В десять ему позвонила Екатерина. Она спрашивала, не забыл ли он записаться на обследование, о котором они говорили месяц назад. Кирилл ответил, что помнит, и тут же поймал себя на том, что не помнит даже название врача.

— Ты опять меня не слушаешь, — сказала жена.

— Извини.

— Я уже привыкла. Это и беспокоит.

Он хотел рассказать о вечернем звонке, но не знал, с чего начать.

— Катя, у тебя сегодня до скольких прием?

— До пяти. Потом домой. А что?

— Ничего. Просто хотел знать.

— Кирилл.

Он замолчал.

— Если это касается вчерашнего письма, не надо делать вид, что ты спрашиваешь о расписании.

— Я пытаюсь понять, что происходит.

— Тогда расскажи мне хотя бы то, что уже знаешь.

— Вечером.

— Ты вчера сказал то же самое.

Он не ответил.

Екатерина вздохнула и закончила разговор.

Кирилл посмотрел в окно. За окном люди спешили по мокрому тротуару. Кирилл думал о звонке, которого не услышал.

Он подумал о Вере Зориной, которая когда-то сказала, что запомнит их разговор.

Впервые за восемь лет у него появилось желание позвонить ей первым.

Но он не успел.

* * *

Леонида Нестерова нашли в четверг около одиннадцати утра.

Соседка снизу заметила воду на потолке в ванной комнате и позвонила в управляющую компанию. Сначала пришел сантехник, потом вызвали аварийную службу, затем полицию. В квартире дверь была заперта. Когда дверь вскрыли в присутствии полиции и представителей управляющей компании, свет в прихожей продолжал гореть.

Леонид лежал в маленькой комнате возле кухни.

Постороннему наблюдателю все могло показаться следствием неудачного падения: перевернутый табурет, разбитая кружка, несколько книг на полу. Однако врач скорой помощи обратил внимание на обстоятельства, не укладывавшиеся в простое падение. Прибывшие сотрудники полиции обеспечили сохранность обстановки и передали информацию следственно-оперативной группе.

Оснований считать убийство установленным фактом пока не было.

Но и назвать смерть бытовой случайностью уже не получалось.

Соседка, пенсионерка с третьего этажа, рассказывала всем, что Леонид не пил. Другая утверждала обратное, основываясь на запахе из мусорного контейнера месяц назад.

Мужчина с пятого этажа вспомнил, что видел возле подъезда серую машину. Через десять минут уже никто не был уверен, действительно ли она была серой.

Следователь Константин Андреевич Устинов приехал после первичного сообщения.

Его не любили журналисты. Он не говорил эффектных фраз на фоне полицейских машин, не делился догадками и не называл мотив, пока не видел материалов, позволяющих хотя бы построить версию. Внешне Устинов выглядел слишком молодым для своих тридцати восьми лет: худое лицо, короткая стрижка, пальто, которое, казалось, купили на размер больше.

Он выслушал доклад, поговорил с участниками осмотра и попросил уточнить, кто последним связывался с умершим.

— Телефон нашли? — спросил он.

— На столе. Заблокирован, — ответил сотрудник.

— Фиксируйте положение и состояние. Дальше действуем по процедуре.

На подоконнике лежали две нераспечатанные квитанции

за коммунальные услуги и чек из ближайшего магазина. В хлебнице находился свежий батон. В холодильнике — пакет молока.

Эти вещи не говорили о причине смерти. Но Устинов задержал взгляд на чеке: время покупки позднее, чем предполагалось из первых слов соседки.

Он записал это, не делая выводов.

В такой работе опасно было любить собственную первую мысль. Стоило решить, что человек погиб при ограблении, и взгляд начинал выбирать только признаки ограбления. Стоило поверить в бытовой конфликт, и каждый разбитый предмет превращался в свидетельство ссоры.

Устинов предпочитал, чтобы предметы оставались предметами, пока не появятся основания связывать их с событием.

Осматривая помещение, он заметил листок у компьютера.

Фамилия, записанная карандашом: «Власов».

Под ней номер телефона.

— Установите, кому принадлежит, — сказал он.

Это был обычный рабочий вопрос.

Спустя несколько часов фамилия всплывет снова и заставит Власова иначе взглянуть на анонимное письмо.

* * *

Новость появилась в интернете после обеда.

Сначала в маленьком районном канале, где публиковали перекрытия улиц, аварии и объявления о пропавших животных. «В квартире на севере Петербурга обнаружен погибший мужчина. Обстоятельства выясняются».

Без имени.

Спустя час другой ресурс написал: «По предварительным данным, смерть может иметь криминальный характер». Рядом поставили фотографию дома, сделанную летом, с зелеными деревьями и голубым небом, совершенно не похожим на ноябрьский день.

Кирилл увидел заметку случайно.

Елена Петровна прислала ссылку, написав: «Это не тот район, где раньше жил ваш знакомый?»

Он открыл фотографию. Дом не узнал.

— Какой знакомый? — спросил он по внутренней связи.

— Не знаю. Вы вчера несколько раз спрашивали про звонок. Я подумала...

— Лена, не надо строить связи из ничего.

Она извинилась.

Он сразу пожалел о резкости.

За последние сутки помощница сделала все, что он попросил. Ее единственная ошибка состояла в том, что она попыталась объяснить его странное поведение.

Кирилл перезвонил.

— Извини. Ты права, лучше проверить.

— Да я не обиделась. Просто вы на себя не похожи.

Он открыл новость еще раз.

Пока фактов было мало: взрослый мужчина, квартира, обнаружение тела, проверка обстоятельств. Ни фамилии, ни связи со складом.

Кирилл уже собирался закрыть вкладку, когда ему позвонил Денис Матвеев.

— Ты видел новости?

— Какие именно?

— Про Нестерова.

Кирилл выпрямился.

— Кто такой Нестеров?

— Леонид Нестеров. Инженер по противопожарным системам. Работал раньше на том самом складе, о котором ты спрашивал.

Кирилл не сразу связал услышанное с ночным звонком.

— Откуда ты знаешь?

— Мне звонил бывший коллега. Он видел фамилию в первоначальной информации. Не хотел бы пересказывать подробности. Ты же вчера задавал вопросы о старом деле, вот я и подумал.

— Ты уверен, что он погиб?

— Тело нашли. Больше не знаю.

Кирилл встал и подошел к окну.

— Почему сразу связал его со складом?

— Потому что он там работал, Кирилл. И потому что ты вчера говорил про документы до пожара.

— Его фамилия мне ничего не говорит.

— Может, и не должна. Ты же не расследовал все аспекты.

— Нет.

Тишина затянулась.

— Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделал? — спросил Де-

нис.

— Нет. Пока нет.

— Тогда не собирай слухи. Если у тебя есть реальные сведения об угрозах, действуй по закону. И не пытайся самостоятельно допрашивать половину города.

Кирилл усмехнулся без радости.

— Ты меня хорошо знаешь.

— Вот именно поэтому и говорю.

После разговора Кирилл разыскал в старых материалах фамилию Нестерова.

Она оказалась на третьей странице приложения, где перечислялись технические лица, которым адресовали уведомление о состоянии оборудования.

«Л. Нестеров».

Он открыл историю пропущенных вызовов.

Номер, звонивший в 21:18, был неизвестен.

Кирилл сравнил его с открытыми контактными данными, сохранившимися в одном из архивных файлов. Последние семь цифр совпали, а повторная проверка подтвердила совпадение всего номера.

Он проверил номер еще раз.

Совпадение оказалось полным.

По всей видимости, Леонид Нестеров позвонил ему накануне смерти.

И Кирилл не взял трубку.

* * *

Кирилл смотрел на запись о пропущенном вызове и не мог отделаться от мысли об упущенном разговоре.

Всего семь секунд — а теперь он не узнает, что Нестеров хотел сказать.

Семь секунд.

За семь секунд можно успеть сказать «я слушаю». Можно

услышать голос и понять, что собеседник напуган. Можно не услышать ничего важного. Можно решить, что это очередная реклама.

Все эти варианты были возможны.

Кирилл мысленно возвращался к вчерашнему вечеру, пытаясь восстановить, чем занимался в девять восемнадцать. Он был дома с Екатериной? Нет, звонок поступил на рабочий номер с переадресацией. Возможно, телефон лежал в кармане пальто; возможно, он ехал в машине и не заметил вызов.

Он открыл календарь.

Встреча закончилась в восемь сорок. После этого дорога домой, звонок Екатерине, остановка у магазина. Ничего необычного.

В памяти не было момента, когда он сознательно отказался отвечать Нестерову.

Но отсутствие сознательного решения не избавляло от чувства, будто он снова не открыл дверь перед человеком, которому нужна помощь.

Он взял лист бумаги и написал:

«Нестеров звонил 11.11.2026, 21:18. Неотвеченный вызов».

Следом добавил: «Источник номера: архивный файл, проверить актуальность».

Он не мог назвать этот вызов «последним звонком». Не знал, когда Леонид погиб, кому еще звонил, что хотел сообщить.

Но слово уже появилось у него в голове.

Последний.

Он зашел к Елене Петровне.

— Мне нужно, чтобы журнал входящих вызовов сохранился полностью. И если с этого номера кто-то снова позвонит, сразу сообщи.

— А кто это?

— Человек, который вчера пытался со мной связаться.

— Что-то случилось?

— Он умер.

Елена Петровна медленно сняла очки.

— Господи.

— Пока больше ничего не знаем.

Она кивнула, и впервые за много лет Кирилл увидел, что его помощница не знает, каким должен быть следующий вопрос.

* * *

К концу дня имя Нестерова появилось в публикациях.

Заголовки расходились. Одни называли его бывшим инженером, другие — пенсионером, третьи вообще не указывали профессию. Один канал уверял, что найдено предсмертное письмо. Другой писал об ограблении. Кирилл не нашел подтверждения ни тому ни другому.

Он открыл сайт с архивами судебных решений и тут же закрыл: обстоятельства сегодняшней смерти не могли быть

установлены судебным решением. Движение руки было автоматическим: адвокат искал правовую форму там, где еще существовали только обстоятельства, требующие проверки.

Кирилл написал Денису: «Номер Нестерова совпадает с вчерашним пропущенным. Что советуешь?»

Ответ пришел почти сразу: «Зафиксируй данные. Если контакт важен для проверки смерти, не скрывай его. Сначала выясни, в каком качестве тебя хотят опросить. Не рассказывай чужих доверительных сведений».

Кирилл прочитал и убрал телефон.

Слова казались очевидными.

Но теперь приходилось признать связь с человеком, которого еще утром он не мог вспомнить.

Он проверил личный архив еще раз. В старых новостях Нестеров упоминался дважды — в одном материале как консультант подрядчика, в другом как сотрудник, подписывавший техническое заключение перед вводом части склада в эксплуатацию.

Под второй заметкой был комментарий:

«Сами подписали, сами проверили».

Кирилл закрыл страницу.

Он не знал, была ли подпись подлинной, соответствовал ли документ действительности и какую ответственность мог нести Нестеров. Публикация не давала ответов. Но после обнаружения тела каждый обрывок прошлого стремился стать объяснением смерти.

Это было опасно.

Он решил позвонить в полицию не с догадками, а с конкретным сведением о пропущенном вызове. Нашел официальный контакт дежурной части района, откуда пришло сообщение, объяснил, что умерший, предположительно, связывался с ним накануне. Дежурный записал данные и сообщил, что информация будет передана уполномоченным сотрудникам.

Кирилл не требовал немедленного разговора со следователем. Не называл себя свидетелем. Не рассказывал о старом поручении Корнеева.

Он сообщил то, что мог подтвердить.

После звонка стало немного легче.

Ровно до того момента, когда неизвестный номер прислал новое сообщение.

«Теперь вы понимаете, что письмо не было шуткой?»

Кирилл поднялся так резко, что кресло ударилось о шкаф.

Он смотрел на экран и чувствовал, как в груди поднимается не страх, а ярость.

Автор письма знал о смерти.

Может быть, из новостей. Может быть, раньше новостей.

Кирилл набрал: «Вы причастны к тому, что случилось с Нестеровым?»

Пальцы остановились.

Вопрос был прямым, но он не хотел подсказывать неизвестному удобную роль. Тот мог ответить угрожающе, мог промолчать, мог просто наслаждаться тем, как адвокат теряет самообладание.

Кирилл удалил текст.

Сохранил сообщение.

Потом написал официальное дополнение к своему обращению, указав номер отправителя и содержание угрозы, не выдавая своих предположений за факт.

* * *

Екатерина приехала раньше обычного.

Она открыла дверь кабинета своим запасным ключом: муж оставил его ей на случай, если задержится и не услышит звонок. В руках был бумажный пакет из пекарни.

— Ты не берешь телефон, — сказала она.

Кирилл посмотрел на экран. Три пропущенных вызова от жены.

— Извини.

Она поставила пакет на стол, увидела его лицо и перестала сердиться.

— Кирилл, что происходит?

— Умер человек. Он звонил мне вчера.

— Твой клиент?

— Нет. Насколько я знаю, никогда им не был.

— Тогда почему звонил?

— Не знаю.

Она села напротив.

Кирилл рассказал о сообщении из конверта, о старом складе, о человеке, который пытался связаться с ним, и о том, что теперь у него есть основания опасаться связи между угрозами и смертью.

Не рассказывал содержания консультаций с Корнеевым. И не потому, что хотел спрятаться от жены: граница существовала независимо от того, насколько он ей доверял.

Екатерина слушала без перебиваний.

— Ты сообщил об этом? — спросила она.

— Да.

— Все, что можешь подтвердить?

— Все, что сейчас могу.

Она кивнула.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто сам его убил?

Вопрос прозвучал жестко. Кирилл вздрогнул.

— Не надо так.

— Я не обвиняю. Я спрашиваю, почему ты берешь на себя то, чего не делал, и одновременно так боишься говорить о том, что делал.

Он отвернулся к окну.

Екатерина встала, подошла к нему.

— Послушай. Ты не отвечал на его звонок. Это ужасное совпадение. Но ты ведь не мог знать.

— Нет.

— А другое?

— Какое другое?

— То, о чем ты молчишь восемь лет.

Кирилл почувствовал, что разговор дошел до места, вокруг которого он давно строил стены.

— Я тогда знал о документе, — сказал он. — Не о причине пожара. Не о виновном. О документе, в котором было предупреждение.

— И что ты сделал?

— Дал совет человеку, который принес его.

— А потом?

Он молчал.

— Кирилл.

— Потом было сложнее.

Екатерина закрыла глаза. Не от бессилия, а будто старалась не сказать лишнего.

— Ты можешь сейчас исправить то, что тогда не сделал?

— Я могу попытаться разобраться, не нарушая чужих прав.

— Это ответ адвоката.

— Другого у меня пока нет.

Она отошла к столу, достала из пакета два круассана, положила один рядом с ним.

— Тогда хотя бы не умирай от голода, пока разбираешься.

Он едва заметно улыбнулся.

Екатерина не могла предложить решение. Но рядом с ней Кириллу стало немного спокойнее.

* * *

Вечером Кирилл поехал к дому Нестерова.

Он понимал, что это сомнительная идея. Не было необходимости приближаться к месту, где работали сотрудники правоохранительных органов. Но его тянуло увидеть обычное здание, отделить реальную смерть от сообщений на экране.

Кирилл припарковался на соседней улице и вышел под дождь.

Дом был девятиэтажным, с облупившейся краской на дверях и рекламой ремонта пластиковых окон. У подъезда стояли два человека и разговаривали о коммунальной аварии. На скамейке лежал мокрый пакет. Из окна первого этажа доносился телевизор.

Никаких признаков большого события.

Именноэто поразило его. Человек умер, возможно погиб насильственно, а двор оставался совершенно обычным. Никто не собирался ограждать его от мира, никто не устраивал траурный порядок. Дети возвращались с кружков, курьер нес еду, молодой человек в наушниках фотографировал припаркованную машину.

Кирилл остановился у дома и посмотрел вверх.

Он не знал, за каким окном нашли Нестерова.

У одной из дверей стояла пожилая женщина. Она внимательно посмотрела на него.

— Вы кого ищете?

— Никого, — ответил Кирилл. — Ошибся адресом.

Она не поверила, но ничего не сказала.

Он повернулся к машине.

На обратном пути несколько раз не замечал зеленого сигнала светофора. Телефон лежал в держателе, экран был погашен. Он думал о том, почему вообще приехал сюда, если не собирался искать свидетелей, не имел права вмешиваться в осмотр и понимал, что увиденное ничего не докажет.

Ответ был неприятным.

Он хотел заслужить право считать, что теперь не прячет голову.

Но поездка не была поступком, который что-либо менял.

Он прибавил отопление и поехал домой.

* * *

В десять вечера позвонил неизвестный номер, на этот раз городской.

— Кирилл Сергеевич Власов? — спросил мужчина.

— Да.

— Константин Андреевич Устинов, следователь. Мне передали сведения о вашем звонке сегодня. Уточняю: вам действительно поступал вызов от гражданина Нестерова вчера вечером?

Кирилл выпрямился на стуле.

— Номер совпадает с тем, который сохранился у меня в старом архиве как номер Леонида Нестерова. У меня нет независимого подтверждения, что вчера звонил именно он.

— В какое время?

— В двадцать один восемнадцать. Неотвеченный вызов.

— Вы были с ним знакомы?

— По работе его имя мне известно. Личных контактов, насколько помню, не было.

— По какой работе?

— В связи с обстоятельствами старого дела. Я не могу обсуждать по телефону содержание адвокатских поручений и сведения о доверителях. Готов уточнить свои собственные действия и обстоятельства звонка в установленном порядке.

Следователь помолчал.

— Понимаю. Вы сами обращались к нам с информацией о сообщениях, которые сочли угрозами?

— Да.

— Сохраните оригиналы и данные. О времени возможного опроса или вызова вам сообщат надлежащим образом. Контактный номер можете проверить через дежурную часть, если сомневаетесь, что разговариваете с сотрудником.

Последняя фраза неожиданно успокоила Кирилла.

Она прозвучала деловито, без намека на давление.

— Спасибо.

— И еще, Кирилл Сергеевич. Не пытайтесь самостоятельно выяснять, кто приходил к Нестерову. Об этом уже спрашивают сотрудники.

— Я не собираюсь мешать проверке.

— Хорошо.

Разговор закончился.

Кирилл записал точное время, имя следователя и содержание сказанного. Он не знал, что Устинов уже видел записанную от руки фамилию Власова у компьютера Нестерова. Не знал и о том, что следователь не считает одно совпадение доказательством чего-либо.

В его воображении фамилия на бумаге могла означать все.

И это было хуже незнания.

* * *

Ночью Кирилл долго не спал.

Он лежал рядом с Екатериной и слушал, как в кухне щелкает холодильник. За стеной кто-то передвигал мебель; наверху коротко лаяла собака. Обычные ночные звуки мешали ему заснуть.

Он вспомнил Андрея в синей рабочей куртке. Лестницу у склада. Алексей Кондратьев говорил: «Мне не нужно, чтобы кто-то сел. Мне нужно, чтобы никто не погиб».

Двое рабочих погибли тогда.

Теперь умер Нестеров.

«Сколько еще людей должно умереть, чтобы вы это сказали?»

Письмо было составлено так, чтобы его смысл менялся после каждого нового события.

Если Нестерова убили, автор мог предупреждать о следующей жертве. Но мог и знать о готовящемся преступлении. Мог пытаться заставить Кирилла думать, что в убийстве ви-

новат он, раз не ответил на вызов.

Кирилл подозревал, что отправитель — кем бы тот ни был — рассчитывает именно на его воображение.

И все же нельзя было просто отмахнуться.

Кирилл вышел на кухню, налил воды и сел у темного окна. На телефоне было сообщение от Дениса:

«Завтра можем встретиться. Не делай выводов раньше фактов».

Он не ответил.

Вместо этого открыл заметку с собственными фактами и добавил:

«Нестеров: смерть установлена. Причина и обстоятельства неизвестны. Звонок в 21:18. Сообщение отправителя после публикаций о смерти. Нельзя предполагать, что отправитель знает больше, чем сообщали СМИ».

Он перечитал.

За пределами списка оставалась одна фраза.

«Он звонил мне накануне своей смерти».

Кирилл не записал их.

Они были правдой, но такой, которая слишком быстро превращалась в обвинение.

* * *

Утром следующего дня газеты уже называли Нестерова «первой жертвой старого дела».

Утверждение не имело подтверждения. Никто не доказал, что смерть связана с пожаром. Кирилл раздраженно закрыл заголовок, но почувствовал неприятный холод: журналисты считали «первой» смерть человека, который на самом деле был третьим погибшим в длинной истории. Двое рабочих были стерты из слова «первая» потому, что их смерть произошла восемь лет назад.

Он снова подумал о Вере Зориной.

О ее вопросе по телефону: «Были ли вы на территории комплекса до пожара?»

Вчера он нашел ее статьи. Сегодня открыл одну из последних — о том, как новости о судебных делах исчезают из выдачи, а репутация человека после обвинительного приговора продолжает жить отдельно от него.

Под материалом была фотография автора. Темные волосы, спокойное лицо, взгляд прямо в камеру.

Кирилл рассматривал снимок, когда зазвонил телефон.

Номер был знакомым.

Павел Корнеев.

— Кирилл Сергеевич, — произнес предприниматель бодро. — Как жизнь?

— Рабочая.

— Понимаю. Слышал, у нас старые знакомые в новости попадают. Неприятно.

Кирилл не ответил.

— Нестеров, — уточнил Корнеев. — Помнишь такого?

— Имя мне известно.

— Жалко человека. Нехорошая история.

— Откуда ты узнал?

— Из новостей. А откуда же еще?

В голосе Корнеева мелькнуло раздражение.

— Я думал, ты вообще не читаешь эти каналы.

— Иногда читаю.

— Тогда понимаешь: сейчас начнут вытаскивать всю старую грязь. Лишь бы людям поговорить.

Кирилл посмотрел на свой блокнот.

— Паша, ты зачем мне звонишь?

Корнеев помолчал.

— Хотел убедиться, что у тебя все нормально.

— У меня все нормально.

Он произнес знакомую фразу и почувствовал, как она теряет смысл.

— Ну и хорошо, — сказал Корнеев. — Береги себя.

После звонка Кирилл долго смотрел на экран.

Слова «береги себя» обычно произносили из заботы.

Корнеев сказал их без повышения голоса, даже ласково.

Но Кирилл впервые услышал в них угрозу.

И впервые понял: он не знает, от кого именно должен себя беречь.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.